

Автобиография В.М. Бехтерева

Часть 2*

Лето 1877 года с первых чисел мая месяца и до осеннего времени я провел в действующей на Дунае армии, в санитарном отряде, снаряженном на средства братьев Н.А и Ф.А. Рыжовых, в то время еще студентов Медико-хирургической академии и университета**. Отряд этот, состоявший из семи студентов Медико-хирургической академии (включая и хозяина отряда Н.А. Рыжова), одного врача (В.Н. Попова), одного офицера (воспитателя Пажеского корпуса), пожелавшего следовать вместе с отрядом, одного фельдшера и двух слуг (повара и служителя), представлял собою собственно подвижную госпиталь на 40 кроватей. Это была единственная врачебная помощь на войне, снаряженная на частные средства.

В первый раз госпиталь наш начал действовать в Зимнице, в сражении при переправе русских войск через Дунай. В Зимницу мы приехали наутро, в самый разгар битвы, которая на наших глазах еще продолжалась на том берегу Дуная***. Тем не менее прежде чем госпиталь наш мог приготовиться к приему раненых, большинство последних было уже препровождено в другие госпитали, и мы получили в первый день всего лишь 18 раненых, не считая больных и раненых, поступивших к нам в госпиталь в последующие за тем дни.

Но несмотря на ограниченное число раненых, госпиталь наш, будучи снабжен в изобилии всем необходимым для раненых и больных, уже на первых же порах обратил на себя внимание ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, во главе своей свиты ежедневно посещавшего лежавших у нас раненых.

Благодаря этому еще в Зимнице мы получили за подписью Главнокомандующего предписание, в силу которого наш госпиталь должен был состоять при главной квартире, откуда в случае сражений персонал госпиталя мог отправляться на место действий, образуя перевязочный пункт. Таким образом, кроме участия в сражении, при переправе русских войск через Дунай наш госпиталь мог побывать в месте главной квартиры в Тырнове и участвовал в качестве перевязочного пункта в сражении при Порадиге (около Плевны), во время штурма Плевны, 30 августа, и при бомбардировке ее в первых числах сентября.

Первое наше путешествие по Болгарии было не из удачных благодаря исключительно нашей неопытности. Получив предписание от Главнокомандующего следовать за главной квартирой

лишь накануне того дня, как последняя должна была переправиться через Дунай в Болгарию, мы на скорую руку передали своих раненых в стоящий в Зимнице госпиталь Красного Креста и начали собираться в дорогу. Хозяйство наше было, однако, так далеко, что мы не успели справиться с ним в один день, вследствие чего, несмотря на торопливую укладку вещей, мы выехали из Зимницы в Болгарию одними или двумя сутками позже главной квартиры.

Это было спустя лишь несколько дней вслед за переправой русских войск через Дунай. Выехали мы из Зимницы не слишком рано. Кажется, было уже около полудня, когда мы потянулись со своими возами по узкому понтонному мосту, переброшенному через Дунай. Еще несколько минут, и мы были на болгарской почве.

Уже самый въезд в Болгарию, которая так много говорила тогда сердцу русских, невольно вызвал в нас чувство приятного волнения. При том же нам казалось, что наше первоначальное путешествие по Болгарии по новизне впечатлений составит для нас только приятную прогулку. Но уже на первых же порах путешествия по Болгарии мы начали разочаровываться в своих ожиданиях.

Прежде всего мы никак не могли думать, что мы очутимся в положении лиц, не знающих, куда ехать, а между тем так и случилось на самом деле. Уже в Зимнице мы убедились, что пребывание главной квартиры в Болгарии находится под страшным секретом, и должны были переправиться через Дунай, не узнавши предварительно о месте, куда переселилась главная квартира. Мы надеялись, однако, получить сведения о пребывании последней в самой Болгарии от встречных офицеров и болгар.

В этом мы, однако, вскоре должны были совершенно разочароваться. Конечно, мы встречали за Дунаем и военных, и болгар, но первые отвечали нам, что они не знают, где главная квартира, а вторые нас или не понимали, или также заявляли о своем незнании.

К нашему горю, в отряде нашем не оказалось карты Болгарии, за исключением случайно захваченной мною карты Балканского полуострова, изданной «Новымъ Временемъ», и которая, конечно, не могла служить нам путеводительницей в наших скитаниях по Болгарии. Результатом последнего обстоятельства было то, что при каждом разезде мы должны были останавливаться, раз-

* Начало см. в номере 1 за 2012 г.

** В послужном списке моем упомянуто лишь о трехмесячном пребывании на войне, но при этом не зачтено время пребывания нашего отряда в Румынии до начала военных действий за Дунаем.

*** Подробности о военных событиях, в которых нам приходилось участвовать, и вообще о всех внешних условиях жизни нашего отряда можно найти в моих письмах с войны, помещенных в газете «Северный Вестник» за 1887 год под псевдонимом «Санитарь».

думывая над тем, куда следует ехать, и в конце концов решали большею частью наугад.

Второе обстоятельство, которое смутило нас на первых же порах нашего путешествия по Болгарии, — это была невозможность добыть покупкою провианта для себя и для людей. Утомившись сборами и укладкой вещей с раннего утра и поплутав некоторое время по Болгарии, конечно, мы начали весьма явственно ощущать пустоту в своих желудках. При нас, однако, имелись только вывезенные в Россию консервы щей, разных супов, швейцарского молока и мяса, но из них только консервы щей и молока оказались доброкачественными, остальные же отличались до того неизящным вкусом, что даже неразборчивые до качества слуги нашего отряда наотрез отказывались их употреблять.

Впрочем, в дороге не до консервов, которые надо еще варить, и, следовательно, раскладывать кухонные принадлежности. Мы думали лишь о том, чтобы наскоро закусить хоть хлебом и, пожалуй, запастись в дорогу свежим мясом. Но каково было наше удивление, когда в окрестных болгарских деревнях мы не могли получить за огромную цену не только баранины или какой-либо иной живности, но даже обыкновенного хлеба. Очевидно, что все съестное было или закуплено войсками, ушедшими вперед ранее нас и оставившими население при одном насущном куске, или они скрывали всякую живность и не хотели продавать даже хлеба, может быть, из ложной боязни. Лишь после долгих поисков в одной из болгарских деревень нашим посланникам удалось найти каравай из пшеничного хлеба, не более двух-трех фунтов весом, за который, однако, пришлось заплатить, кажется, восемь или одиннадцать франков золотом. Разделив этот каравайчик на 12 частей, по числу лиц нашего отряда, и подкрепив таким образом хоть несколько свои силы, мы направились в путь по направлению к югу, останавливая каждого из встречных и расспрашивая их о местопребывании главной квартиры. Но ответ всегда носил отрицательный характер.

Наконец мы встретили офицера, который, как мы знали ранее, должен состоять при главной квартире. Конечно, мы бесконечно обрадовались и пристали к нему с расспросами, но, к нашему изумлению, и этот офицер отрицательно покачал головой.

Видя, что никакие убеждения не помогают, хозяин наш предъявил бумагу с предписанием следовать нашему отряду за главной квартирой, но все было напрасно. Единственно, чего мы добились от этого офицера, это категорического заявления: «Поезжайте в Ивановац, а там узнаете, куда дальше ехать». Хотя до Ивановаца было еще не близко, так как много времени было нами потеряно на плутание из стороны в сторону, но мы, по крайней мере, знали теперь определенно, куда следует направлять свой путь.

День уже склонялся к вечеру, когда мы по указаниям офицера направились в Ивановац; по дороге мы повстречали довольно значительные

пространства, сплошь покрытые пеплом высотой в два-три аршина, среди которого торчали в виде неуклюжих колонн кирпичные полуобгоревшие трубы. Очевидно, это следы сгоревших деревень, от которых не уцелело ни одной избы и не осталось ни одного живого лица. Только окрест голодные собаки еще напоминали иногда о бывшем здесь жилье человека.

Когда начало уже темнеть и мрак стал расстилаться вокруг нас, мы были поражены еще более тагостной картиной: повсюду кругом виднелись, как острые, пылавшие деревни и весь небесный свод представлял собою одно сплошное зарево. Чья рука поджигала эти мирные селения — для нас оставалось совершенно неизвестным. Конечно, первая мысль наша была та, что болгары жгли из мести брошенные турками пустые дома и деревни, но, с другой стороны, не менее вероятным представлялось и то предположение, что оставшиеся в занятой нами области фанатизированные турки предавали огню то, что могли. Как бы то ни было, картина была крайне удручающего свойства, и тут только мы поняли, в какой опасности мы находились сами, путешествуя без конвоя и проводников в местности, хотя и занятой русскими войсками, но далеко еще не очищенной от неприятеля. К счастью нашему, все обошлось благополучно, и поздно вечером мы уже завидели на горизонте огни селения, именованного Ивановац, в котором, как оказалось, стояла одна из наших дивизий. Войдя в деревню, занятую русскими войсками, мы, конечно, почувствовали себя в полной безопасности и могли расположиться на ночлег около деревни. Между тем наш доктор и сопровождавший отряд офицер отправились к дивизионному командиру. Последний, выслушав наш рассказ и цели нашего путешествия, был изумлен, что мы не взяли конвоя из Зимницы, и тут же сделал распоряжение о снаряжении нас отрядом казаков, указав нам маршрут ехать на Тырново.

Дальнейшее наше путешествие по Болгарии обошлось без лишних мытарств. Еще не доезжая до Тырново, в соседней деревне, Самоводах, мы увидели деревянные, украшенные гирляндами арки с надписью «Боже Царя храни». Не подлежало сомнению, что главная квартира — цель наших стремлений — должна быть близко. Действительно, уже от жителей деревни мы узнали, что ГОСУДАРЬ и Главнокомандующий находятся в Тырнове, до которого оставалось не более двух верст пути, пролегающего по красивейшему в мире ущелью р. Янтры.

Наша жизнь в Тырнове носила мирный характер, и нам не привелось даже распаковывать госпитальные вещи, так как не предвиделось вовсе поступлений больных. Все раненые, привозимые с Шипки и из-за Балкан, помещались главным образом в Гоброво, где был устроен военный госпиталь, отчасти же в Тырново, в госпитале, устроенном на средства Красного Креста.

Последний госпиталь был далеко еще не полон, так как это было еще до знаменитых Шип-

кинских атак и раненых было сравнительно немного. Поэтому нам ничего не оставалось, как ждать случая, когда наша помощь может действительно быть необходимой. Такой случай, однако, представился не скоро. Точности ради следует заметить, что наше пребывание в Тырнове ознаменовалось внутренними раздорами в отряде, результатом которых было то, что мы остались без постоянного доктора; в замену же последнего к нашему отряду приурочили врачей, состоявших при главной квартире.

Из Тырново мы переехали затем вместе с ИМПЕРАТОРСКОЙ квартирой в Горный Студень, где провели совершенно бесплодно около месяца.

Узнав затем, что под Плевной ожидаются военные действия, мы направились туда из Горного Студеня в 20-х числах августа месяца и прибыли к Плевне как раз после совершения неожиданного нападения турков на русские позиции при Порадими, которое было отбито с довольно значительным уроном, а потому дела осталось довольно и для нас.

Перевязав всех раненых, полученных нами после сражения при Порадими, мы подвинулись еще ближе к Плевне и расположились в открытом поле в тылу левого фланга нашей армии, в нескольких верстах от деревни Багот.

Здесь наш госпиталь вместе с лазаретом 16-й дивизии и отрядом Красного Креста с проф. Бергманом во главе, ввиду ожидавшегося наступления на Плевненские позиции, образовали один общий перевязочный пункт, принявший после Плевненского боя 30-го августа свыше трех с половиною тысяч раненых, из которых большая половина прошла через наши руки 30-го и в ночь с 30-го на 31 августа. Конечно, для такого количества раненых ни средств, ни места в нашем перевязочном пункте (надо сказать, наиболее богатом средствами и персоналом из всех трех или четырех, устроенных в различных пунктах расположенной наступающей армии) оказалось далеко не достаточно, и здесь-то именно пришлось убедить всех нам воочию, что, как ни ужасна война сама по себе, она становится вдвойне ужасною при недостатке врачебной помощи. Штурм 30 августа назначен был на 3 часа пополудни. Хотя до 30 августа и стояла все время ясная погода, но в этот день, уже вскоре после полудня, небо обложилось облаками, а к трем часам дня начал сеять мелкий дождь, быстро размывший почву и в короткое время превративший ее в сплошную грязь.

Приблизительно к 5–6 часам вечера мы начали получать первых раненых с поля сражения. Уложив их в палатки, мы, конечно, принялись, где было можно, вынимать пули и вообще производить все те операции, которые были по нашим силам (большие операции делались под непосредственным руководством проф. Бергмана) и которые требовались состоянием раненых. Но вскоре к нам стали прибывать с поля действия раненые в таком количестве, что мы силою вещей должны были оставить до времени не только всякие

операции, но даже и простые перевязки, так как на первый план выдвигалась забота о том, чтобы дать раненым надлежащее место. К сожалению, и эта более чем скромная задача оказалась не по нашим средствам. В какие-нибудь час или два 5 палаток дивизионного лазарета и две наши палатки (следовательно, все крытое помещение, которым мы располагали на своем пункте) были переполнены ранеными, но переполнены так, что в каждой палатке, содержащей лишь 25 мест, было размещено по 75–80 человек, и притом на голой земле, так как все решительно носилки, служившие в то же время и кроватями, были заняты при переноске вновь прибывающих раненых. Таким образом, во всех палатках было помещено около 500 раненых.

Не трудно себе представить, что это было такое. Раненые лежали наполовину перевязанными бок о бок друг с другом, а нередко и с умирающими или уже умершими. Теснота была такая, что трудно было проходить между ранеными, не рискуя наступить кому-нибудь на поврежденную руку или ногу. Но все те, которые помещались в палатках, при вышеуказанных условиях, были положительно счастливыми по сравнению с теми, которые, за неимением места в палатках, помещались вне их, прямо на размытой, грязной почве под открытым небом, сыпавшим мелким дождем.

Страшно вспомнить, что таких несчастных только на одном нашем перевязочном пункте в ночь с 30-го на 31 августа было не менее 1500. Само собой разумеется, все, что могло дать кров для раненых, как, например, имеющиеся при нашем отряде фургоны, пологи и пр., было отдано в их распоряжение, но все это было лишь каплей в море. Без преувеличения можно сказать, что по крайней мере 1200–1500 человек из принятых нами раненых в течение 12 часов после начала Плевненского боя не находило иного крова, кроме грязной, размытой почвы, оставаясь в течение всей ночи под дождем, и притом часто даже без верхней одежды, которую иные раненые покидали ради своего облегчения еще на поле сражения. Все эти несчастные, дрожа от холода и сырости и мучимые страшными болями от ран, ползком добирались до палаток, громоздясь друг на друга и моля врачей о пощаде. Но что можно было сделать, когда не было возможности даже взять откуда-нибудь соломы, на которую можно было бы укладывать постоянно подвозимых раненых, не находивших места в палатках?

В довершение всего злосчастная ночь отличалась поразительной темнотою; за два шага нельзя было уже ничего различить, в силу чего вся работа с уложением раненых должна была производиться с фонарями. Общий стон и вся картина была вообще так ужасна, что ум человеческий вообразить этого не может.

Вся ночь с 30-го на 31 августа прошла для нас почти исключительно в укладывании несчастных раненых. Только к утру следующего дня мы могли вновь приступить к перевязке раненых, и затем

началась отправка последних по направлению в Булгарени, где помещался огромный военный госпиталь; но лишь на третий день после сражения все принятые в нашем пункте раненые были перевязаны, а некоторые из них и оперированы.

За все это время, конечно, мы не могли и думать ни о сне, ни об удовлетворении чувства голода, которого, впрочем, и не ощущалось. Чай, который постоянно кипятился в котелке, повешенном над костром, был единственным средством, подкреплявшим наши силы. Не знаю, как другие, но я чувствовал себя как в чаду все три дня, начиная с вечера 30 августа, и вообще мало понимал, что кругом совершалось.

На третий день после того, как перевязка всех раненых была окончена, мы, хотя и были утомлены до крайности, но, движимые чувством любознательности, решили поехать на наши Плевненские позиции, с которых мы получили также огромное количество несчастных. Нам удалось объехать всего, кажется, две или три из наших батарей, содержавших огромные крепостные орудия. Как сейчас помню, на одной из этих позиций адъютант навел подзорную трубу на открытое место, раскинутое впереди злосчастного Родищевского редута, который был несколько раз безуспешно атакуем русскими в знаменательный день 30 августа. Я взглянул в подзорную трубу, и глазам моим представилась ужасная картина: все видневшееся впереди поле было усыпано трупами русских и ранеными, обнаруживавшими еще признаки жизни своими судорожными движениями. Нетрудно было различить в подзорную трубу и цвет, и даже форму одежды. От такой картины я невольно отшатнулся. Из пояснения адъютанта мы убедились, что эти трупы и несчастные раненые остаются на месте со времени Плевненского боя и нет никакой возможности их подобрать, так как многочисленные попытки, производимые в этом направлении, вызывали со стороны турок открытие огня, уносившего новые жертвы.

На другой из позиций адъютант пожелал при нас открыть пальбу из огромных крепостных орудий. Заметив, что один болгарин накануне ему сообщил, будто в одной из мечетей Плевны, часть которой была прекрасно видна с позиции, турки устроили пороховой погреб, он заявил нам, что попытается взорвать этот погреб, и тотчас же приказал наводчику готовить орудия, пообещав за удачный прицел на водку; адъютант начал командовать, и тотчас же с нашей батареи стали раздаваться оглушающие выстрелы. Спустя некоторое время такие же выстрелы мы начали слышать и с других наших батарей; вскоре турки начали отвечать, и, таким образом, произошло настоящее артиллерийское сражение.

Уже стало смеркаться, как мы начали возвращаться с позиции. Над головой нашей то и дело раздавался заунывный свист неприятельских гранат, разрывавшихся в шагах 150–200 вокруг нас; когда мы уже спустились с возвышенности, на которой была расположена наша батарея, послышалась и надрывающая сердце ружейная трескот-

ня и с цепи, очевидно также открывшей огонь по неприятелю.

С позиций мы вернулись в свой госпиталь уже поздно вечером и в первый раз после стольких треволнений могли отдохнуть и прилечь. Но так как все, что было при нашем отряде, дававшее кров от непогоды, было предоставлено раненым, то все мы, за исключением одного, приютившегося в фургоне, должны были искать отдыха на земле, расположившись около стоявшей вблизи и совершенно мокрой от дождя копны сена. Несмотря на продолжительный гул орудий, на постоянно доносившуюся до нас ружейную пальбу и сырость почвы, на которую мы должны были лечь без всякой подстилки в одних гуттаперчевых пальто, мы заснули сном убитых, не чувствуя даже дождя, безжалостно мочившего нас в течение нескольких часов. Проведенная при таких условиях ночь, конечно, не могла не отразиться губительно на здоровье почти всего отряда, как это вскоре и обнаружилось.

На другой день рано утром мы получили еще около 100 раненых, большею частью крайне тяжелых, с гранатными повреждениями, — жертв вчерашнего боя. На перевязку этих раненых еще хватило наших сил, но затем начала обнаруживаться среди нас жестокая лихорадка, жертвой которой, кажется, сделались прежде всего хозяин и я, а вскоре затем и другие лица в отряде, за исключением лишь одного, спавшего накануне в фургоне. Благодаря большому запасу хинина, имевшемуся при нашем отряде, мы, правда, могли еще на первых порах бороться с недугом, но о дальнейшей деятельности отряда нечего было и думать. К тому же наступательная война с нашей стороны надолго приостановилась вследствие решения блокировать Плевну с помощью ожидавшихся на театр военных действий новых войск, входящих в состав гвардии Петербургского округа.

Поэтому, эвакуировав значительную часть раненых, находившихся в нашем госпитале, и передав остальных в лазарет 16-й дивизии, мы отправились в место пребывания главной квартиры, которая помещалась тогда в Баготе или в Булгаренях — точно не помню. Заявив здесь о своем решении вернуться на родину, мы были немало удивлены, узнав, что нас, прежде чем отпустить с театра войны, желают представить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Этим крайне лестным для нас предложением мы были поставлены в большое затруднение, так как наши костюмы до такой степени были поношены, загрязнены, а отчасти и изорваны, что нам и в голову не приходило о возможности представления ГОСУДАРЮ в таком виде. Нам, однако, было заявлено, что в этом случае костюм — второстепенное дело и что нам следует подчиниться...

Выслушав это, мы наскоро привели в порядок свое платье, которое, впрочем, и в исправленном виде было далеко не удовлетворительно, и затем к назначенному сроку прибыли в ИМПЕРАТОРСКУЮ квартиру, где мы встретили генерала

Косинского, пожелавшего лично представить нас ИМПЕРАТОРУ.

Вся ИМПЕРАТОРСКАЯ квартира, в которой, кроме ГОСУДАРЯ, как говорили тогда, помещался и граф Адлерберг, представляла собою небольшой двухэтажный деревянный домик, содержащий вряд ли более шести комнаток в обоих этажах, с небольшим двором, в одной стороне которого под навесом была устроена столовая ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Подождав немного у ворот главной квартиры, мы вошли по приглашению ген. Косинского во двор, где мы увидели ГОСУДАРЯ, вышедшего к нам из столовой. Вместе с ГОСУДАРЕМ к нам подошел и Главнокомандующий. ГОСУДАРЬ, поздоровавшись со всеми нами, обратился первоначально к хозяину отряда — студенту 3-го курса Медико-хирургической академии (ныне врачу) Н.А. Рыжкову со словами благодарности, между которыми особенно трогательно звучали слова ГОСУДАРЯ: «У меня не много таких, как ты». В такое тяжелое время, как война, и при таких тяжелых условиях, в которых мы находились, эти слова тронули нас до глубины души.

Обратившись затем ко всем нам, студентам бывшей Медико-хирургической академии, как сотрудникам отряда, ГОСУДАРЬ также милостиво выражал нам свою благодарность за деятельность на войне в столь трудное время и при этом заметил, что ЕМУ особенно приятно убедиться, что наконец-то «чушь из головы студентов начинает выходить». Мы, конечно, поняли, что слова эти отражали в себе упрек, обращенный ко всему студенчеству по поводу хронически повторявшихся беспорядков в Академии и университетах. Представление наше кончилось пожалованием Станислава Н.А. и Ф.А. Рыжковым, как хозяевам отряда, пожертвовавшим на его организацию значительные суммы, и выражением благодарности отряду со стороны Главнокомандующего, после чего нас пригласили к завтраку за царским столом.

Такое угощение, конечно, было кстати, так как был уже второй час, а мы, проведши целое утро

в сборах и хлопотах по приведению в порядок своего костюма, и не подумали о своих желудках. Вслед за представлением мы начали собираться на родину. Все имущество, относящееся к больным, как-то: палатки, больничное белье, верхнее платье, обувь, перевязочные средства и запас лекарственных веществ, было передано хозяином отряда в Красный Крест. Из больничного запаса медикаментов был удержан при себе лишь хинин, потребный для лечения заболевших и могущих еще заболеть членов отряда.

Последняя предусмотрительность оказалась далеко не лишней. Едва мы добрались до Сислова, как приступы лихорадки обнаружались в сильнейшей степени почти у всех членов отряда, и потому волей-неволей пришлось сделать в Сислове остановку на более продолжительное время. Хотя и я раз подвергся вновь жестокой лихорадке, но, нуждаясь в скорейшем прибытии в Петербург к началу открытия лекций на 5-м курсе, я должен был поторопиться выездом обратно в Россию и потому, освободившись на время от приступов лихорадки, я оставил возвращающийся отряд в г. Сислове и отправился в Петербург один. Дорогой я вновь, однако, подвергся жестоким приступам лихорадки, которые продолжались в сильнейшей степени и по приезде моем в Петербург, вследствие чего я вынужден был поместиться на время в клинике покойного проф. С.П. Боткина. По выписке из клиники я усердно принялся за свои занятия по курсу, чему, однако, мешали время от времени повторяющиеся приступы лихорадки. В марте месяце мы узнали, что наши выпускные экзамены, по случаю военного времени, назначены ранней весной, именно в апреле месяце, вместо того чтобы быть отнесенными на осеннее послеканикулярное время, как это бывало прежде. При этом все выпускные экзамены распределены были всего на 20 дней — с 1-го по 20 апреля месяца. Таким образом, для подготовки к экзаменам мы почти вовсе не имели времени.